

DOI 10.24411/1813-145X-2019-1-0580

УДК 008(091)

<https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

И. Е. Кознова

Чеховские страницы журнала «Огонек»

Для цитирования: Кознова И. Е. Чеховские страницы журнала «Огонек» // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 208-212.

Настоящая статья продолжает серию публикаций автора в журнале «Ярославский педагогический вестник», посвященных изучению освоения в советский период историко-культурного наследия на материалах журнала «Огонек» – крупнейшего общественно-политического и литературно-художественного еженедельника, игравшего значительную роль в формировании советских ценностей и их трансляции в массовое сознание. Отталкиваясь от анализа общего видения прошлого в его взаимодействии с настоящим и будущим в советской культуре и политике, принципов выстраивания советской мемориальной культуры, в том числе в разрезе юбилейных чествований деятелей литературы и искусства (2016, № 4), автор затем конкретизировала свои наблюдения и выводы на примере фигуры М. Горького, в создании канонического образа которого журнал сыграл большую роль (2018, № 4). Предлагаемая статья посвящена осмыслению процесса включения имени и творческого наследия А. П. Чехова в советскую культуру посредством популярного периодического издания. Наряду с М. Горьким, А. П. Чехов являлся для «Огонька» одной из ключевых фигур формирующегося советского культурного пространства. В 1920-е гг. «Огонек», не принимая «чеховщину», отстаивал Чехова перед теми, кто не видел в нем союзника в строительстве нового мира. Творчество Чехова являлось для журнала универсальным ключом ко всем сторонам жизни советского общества – когда речь шла о «родимых пятнах» прошлого, о лучших качествах народа, о «светлом будущем». И хотя чеховский образ в советском «Огоньке» имел свои клише и стереотипы, он – вопреки им, в силу собственной «мягкой мощи», во всей своей многозначности – продолжает жить в «Огоньке» нового тысячелетия.

Ключевые слова: А. П. Чехов, журнал «Огонек», советская культура, прошлое, память.

I. E. Koznova

Chekhov pages of the magazine «Ogoniok»

This article continues the series of publications by the author in Yaroslavl Pedagogical Bulletin, devoted to the study of the development of the historical and cultural heritage in the Soviet period on the materials of the magazine «Ogoniok», the largest socio-political, literary and artistic weekly, which played a significant role in the formation of Soviet values and their translation into the mass consciousness. Based on the analysis of the general vision of the past in its interaction with the present and future in Soviet culture and politics, the principles of building the Soviet memorial culture, including in the context of the anniversary celebrations of literary and art workers (2016, № 4), the author then specified her observations and conclusions on the example of the figure of M. Gorky, in the creation of the canonical image of which the magazine played a large role (2018, № 4).

The proposed article is devoted to understanding the process of incorporating the name and creative heritage of A. Chekhov into Soviet culture through a popular periodical. Along with Gorky, Chekhov was for the magazine «Ogoniok» one of the key figures in the emerging Soviet cultural space. In the 1920-s the magazine «Ogoniok», not accepting «Chekhovism», defended Chekhov in front of those who did not see him as an ally in building a new world. Chekhov's work was for the magazine a universal key to all aspects of the life of Soviet society – and when it came to the «birthmarks» of the past, and the best qualities of the people, and the «bright future». And although Chekhov's image in the Soviet «Ogoniok» had its own cliches and stereotypes, it – contrary to them, owing to its own «soft power», in all its ambiguity – continues to live in the magazine «Ogoniok» of the new millennium.

Keywords: A. Chekhov, the magazine «Ogoniok», Soviet culture, past, memory.

В 2010 г. (150 лет со дня рождения А. Чехова) журнал «Огонек» поместил в одном из своих первых номеров фрагмент воспоминаний о М. Кольцове (к 70-летию гибели) его родного племянника М. Ефимова. Фрагмент этот касался тех усилий, которые приложил Кольцов, будучи главным редактором «Огонька», для издания в

приложении к журналу 24-томного собрания сочинений Чехова [6]. На наш взгляд, такое совпадение не случайно. В анкете, предложенной в 1929 году, в год 25-летия со дня ухода писателя из жизни журналом «На литературном посту» литераторам и политическим деятелям, выяснялось их отношение к Чехову – до революции и

позже. Диапазон ответов был широк – от полного неприятия чеховского творчества, убежденности, что массовому читателю достаточно избранного, до признания, что «писатель жив, реально нужен и полезен нашей эпохе» [9]. К последним относились и ответы М. Кольцова, знавшего «всего Чехова». Думается, Чехов был одним из тех авторов (а возможно, первым среди них), благодаря которым сформировался журналистский талант самого Кольцова. Правда, последний признавался, что ранее воспринимал Чехова «некритически», слабо вникая в социальный облик чеховских персонажей [9, с. 60].

И именно А. Чехов – наряду М. Горьким и Л. Толстым – был для «Огонька» среди ведущих литературных имен эпохи; журнал объединял их в символическое культурное пространство. Так, в конце 1928 г., в 100-летний юбилей Л. Н. Толстого, «Огонек» поместил на обложку одного из своих номеров (№ 37) фото Толстого и Чехова, сделанное в Ялте в 1901 г., предвзято и наступавшее в 1929 г. 25-летие со дня смерти Чехова. Надпись под фотографией гласила: «Толстой, Чехов и Горький – вот три писательских имени, которыми отмечен один из значительнейших периодов русской литературы конца XIX в. и нашего времени. Уходящий от нас идейно, но ценный в художественном отношении Толстой, возглавляющий всю современную литературу Горький и незабываемый, близкий нам Чехов, с чьими еще достаточно сохранившимися персонажами предстоит длительная и упорная борьба, – все эти три крупнейших писателя являются теми классиками, без изучения которых нельзя понять нарождающейся новой литературы».

Правда, в начале 1920-х гг. казалось, что герои Чехова, да и само его творчество принадлежат исключительно прошлому: с Октябрем пришло поколение новых людей, которое «изжило без остатка (подч. нами. – И. К.) хмурых лишних людей, а Чехов стал историей» [15]. Однако вскоре ситуация изменилась. И дело не только в том, что нэп во многих своих проявлениях («гримасы нэпа») сохранял или воссоздавал ту обыденность, ту мещанскую духоту, которая претила Чехову.

Новая культура, по мнению «Огонька», нуждалась в Чехове. Очерки Ю. Соболева знакомили читателей с этапами жизни и творчества писателя, его художественным методом и духовным миром, позволявшим ставить «большие вопросы» из области человеческой этики и психики. Отодвинув «чеховщину» («пессимизм» и «нытье»), Соболев раскрывал новый образ самого

Чехова, который представлял как гражданин, ценивший «людей подвига, веры и ясно осознанной цели». Отмечалось и доминирующее в чеховской природе чувство независимости суждений [16, 17]. И для Е. Зозули А. Чехов являлся прежде всего образцом писательской и человеческой совести, а чеховское творчество признавалось «методом точного, почти медицинского анализа» в отношении не только социальных болезней своего времени, но и нарождающегося советского [8].

За год до четвертьвековой памятной чеховской даты М. Кольцов опубликовал в «Правде» статью под названием «Чехов без грима» [12]. В ней он предпринял попытку отстоять Чехова перед теми, кто отождествлял автора и его персонажей, утверждая, что Чехов был в свое время загримирован под «чеховского интеллигента» – увядшего, безвольного, страдающего, представшего таким на «блеклом», по выражению Кольцова, портрете работы художника О. Бразы (сам писатель относился к портрету с иронией). И «нашей исторически-объективной» эпохе предстояло его «разгримировать». Правда, заодно Кольцов обрушивался и на замеченный в свое время Л. Толстым чеховский «чувствительный импрессионизм».

Кольцов призывал вернуть «в подлинном виде» массам нового пролетарского читателя как «обличителя», как «крупнейшего писателя-общественника». Руководствуясь интенциями времени, когда одним из ключевых слов-символов эпохи было слово «бодрость», воодушевленный и увлеченный борьбой с мещанством (здесь у него в союзниках был Горький), Кольцов-«правдист» говорил от имени Кольцова-фельетониста, выставляя чеховские пьесы «веселыми, бичующими комедиями», включая Чехова в «основную сатирико-обличительную магистраль русской литературы» от Гоголя и Щедрина.

Однако, выступая в защиту Чехова, Кольцов явно перегнул палку, подчеркивая в писателе «сочувствие формирующемуся рабочему движению и близким ему деятелям». Подобное утверждение вызвало критику в печати. Ю. Соболев увидел в нем подмену одного грима другим – гримом революционного плаката [4, с. 46]. На него откликнулся небезызвестный Тарас Костров (А. С. Мартыновский) – адресат стихотворения В. Маяковского «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви». Костров обвинил Кольцова в немарксистской оценке Чехова. Вводя свои рассуждения в более широкий общественный контекст, Костров полагал, что по отношению к культурному наследию необходима

активная политика, подчиненная задачам социалистического наступления и предполагающая «перетарификацию» классиков под классовым углом зрения. Костров называл Чехова писателем «большой исторической паузы» в истории российского революционного движения, выразителем дум и настроений мелкобуржуазной интеллигенции, «попутчиком». Кстати, это мнение на страницах «Огонька» разделял и Ал. Дейч [3]. В то же время Чехов, имевший крепостные корни, противопоставлялся в «Огоньке» писателям-дворянам.

Чехов изобличался Костровым в том, что не был изобличителем. Ему вменялось в вину, что в своих действиях, как, например, в «академическом случае» (исключение Горького из Академии наук), он руководствовался соображениями не политического, а морального свойства. Вполне в духе начавшихся политических чисток Костров писал о необходимости разоблачения Чехова и «враждебных нам, исторически реакционных сторон его творчества» [13].

«Поправил» М. Кольцова, правда, более корректно, и А. Луначарский, усматривавший в «общественной позиции» А. Чехова не октябрьский, а февральский облик («примиренчество»), впрочем отметивший «дело социального служения» писателя, а также его «реалистический импрессионизм» как художественный прием. Современность же Чехова, по мнению А. Луначарского, заключалась в том, что он оказался «...безошибочным путеводителем в царстве пережившего себя прошлого, которое нам нужно разрушить дотла, выжечь из быта» [14]. Не случайно обложка номера «Огонька», в котором публиковалась статья Луначарского, посвящалась одному из наиболее распространенных пороков русской жизни – пьянству.

Непримиримым врагом мещанства, ограниченности, пошлости, обывательщины, рутины, сытого довольства Чехов оставался для «Огонька» и в дальнейшем. Правда, спустя десятилетие, на фоне официальных заявлений о победе социализма в СССР, появились новые моменты в чеховском образе. Подчеркивались интонации участия и милосердия, сочувствия и сострадания в его творчестве; заключалось, что «утро человечества, просиявшее в СССР, подготовлял и Чехов» [18]. Все более Чехов приобретал в «Огоньке» характер «исторического оптимиста». Вместе с тружениками страны Советов, казалось, должен был молодеть и он. Во всяком случае, таков был пафос статьи А. Роскина, опубликованной к 36-летней годовщине смерти писателя в третьем номере журнала за 1940 г.

Когда же усилия власти стали направляться на укрепление национально-патриотическое начала в пропаганде (1940-е – начало 1950-х гг.), акцентировались «русскость» Чехова и неприятие им немцев [5]. Интересно, что в номере журнала, посвященного 40-й годовщине со дня смерти классика, публиковалась репродукция его портрета кисти О. Браза. Но теперь чеховский портрет олицетворял собой другие его качества, созвучные ценностям советского человека. Заметим, что были также размещены некоторые иллюстрации Кукрыниксов к произведениям писателя. В связи с этим можно отметить также, что – по контрасту с памятной датой – к ней были экранизированы два чеховских водевиля – «Шутка» и «Юбилей». Впрочем, в пронизывающей эти произведения непринужденной атмосфере, в их карнавальном начале зритель военного времени особенно нуждался.

Уровень «народности» и «патриотичности» Чехова был поднят еще выше в год 90-летия со дня его рождения (1950 г.). Суждения о душевности «нашего», любимого и родного писателя были вложены автором юбилейной статьи И. Арамилевым в народные уста и принадлежали престарелому колхознику из Калининской области, «почитывающему» чеховские произведения «каждый год». «Огоньковский» чеховский миф воспроизводил низовые представления о странствующих правдолюбцах: «Знаешь, каким он представлялся мне раньше, в старое время? Лицо строгое, ходит с палочкой по деревням и городам, людей беспокоит, стучит в окна: “Не так живете, черти полосатые! Лучше жить надо!”. И глаза у него умные, добрые. Он меня как бы вперед толкает... У Чехова все кратко и ясно. Он каждое слово тебе в душу кладет. И слова-то весомые, мудрые!». Пытаясь еще больше возвысить Чехова, Арамилев, включал писателя в демократическую традицию, представив ее именами Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, а также М. Горького – тех, кого советский «Огонек» по понятным причинам постоянно поднимал на щит. Напоминал горьковскую формулу чеховского творчества: «внести в жизнь бодрость и ясный смысл». Выставлял Чехова борцом с «низкопоклонством перед Западом» [1].

Атмосфере времени отвечала и публикация Л. Кассиля «Ваня Жуков и его товарищи», сопровождавшаяся рисунком Кукрыниксов к известному рассказу Чехова и фотографиями С. Фридлянда о жизни учащихся ремесленного училища, представляющая контраст между дву-

мя мирами – старым, дореволюционным и новым, советским [10].

К полувековой годовщине со дня смерти А. Чехова (1954 г.) слово было дано В. Катаеву. Он вел речь о вышедшем «из народной гущи» писателе-художнике, предвестнике, мечтавшем о цветущем саде на Земле; разоблачителе, ненавидевшем мещанство, пороки старого мира – стяжательство, грубость, ложь, лицемерие, лень и пр., наличие которых в советском обществе приходилось признавать [11].

Безусловно, многие стороны чеховского духовного мира и художественного опыта, их динамика оказывались вне «огоньковских» публикаций, отражавших общие тенденции, превративших личность писателя и его творчество в собрание штампов [7, с. 5-40]. В мучительном для Чехова поиске соотношения бытового и бытийного начал приоритет в журнале был отдан первому. Массовому читателю преподносился (и полагалось, что – нужен) упрощенный, воспитывающий, а не развенчивающий иллюзии Чехов, как особенно заметно в 1930-е – нач. 1950-х гг. Актуальные для Чехова разнообразные социально-психологические аспекты дихотомии внешней и внутренней жизни человека, «вечные» вопросы бытия, одиночества человека, мысли о дозволенном и недозволенном в сфере человеческой нравственности [7] диссонировали с устремлениями советского, отнюдь не во всем соразмерного человеку. Это придет в «Огонек» позже, начиная с 1960-х гг., когда в круг интересов журнала будет активнее включаться опыт сценического воплощения чеховской драматургии и кинематографическое видение творчества писателя, и то дозированно.

Редакционная статья в № 4 «Огонька» за 1960 г., год 100-летия А. Чехова, приветствовала день рождения писателя как всенародный праздник, достойный того, чтобы быть отмеченным в каждой советской семье. Свойственные эпохе «оттепели» настроения нашли отражение во внимании к присущим юбиляру качествам: «... всегда открыто смотрел правде в глаза, никогда не терял уважения к человеческой личности, веры в нравственное достоинство людей». Чеховские «грядущие поколения» напрямую отождествлялись с людьми наступающих шестидесятых, которым были присущи «вера в светлое и прекрасное будущее, неиссякаемое жизнелюбие»: «Красота, счастье, свобода – это для Чехова не удел избранных, а норма жизни любого человека на земле». Символично – и это тоже было в духе времени, – что на рисунке вклейки в юбилейном номере журнала писатель изображался на

фоне цветущего сада, а дополняла рисунок чеховская фраза «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...».

Наконец, обратим внимание на юбилей Чехова (125 лет) кануна перестройки. Пожалуй, впервые в «Огоньке» поднимался вопрос о духовно-религиозном опыте писателя и его отношении к смерти. И на первом месте в статье оказывался реабилитированный чеховский герой – думающий, страдающий, рефлексирующий, ищущий и не находящий выхода из нравственного тупика русский интеллигент. Автор публикации как будто заглядывал в будущее – ближайшее и отдаленное: «Мы смотрим на него вопросительно, словно от ответа, который может быть, решается и наша участь» [2].

Свою монографию о «Времени “Ч”», опубликованную в промежутке между двумя чеховскими «круглыми» датами начала XXI в. – 100 и 150 лет (сначала годовщина смерти в 2004 г., потом рождения в 2010 г.), – Т. Злотникова завершила выдержками из проведенного Т. Шах-Азизовой на страницах «Чеховского вестника» опроса «Почему Чехов?». Вопросы, во многом, хотя и не во всем, конечно, совпадали с теми, что задавались за 75 лет до этого. Разве что вопрос «Каков Чехов XXI века?» не мог тогда появиться. Т. Злотникова сомневалась в наличии «взрывной силы интереса к Чехову» в 2004 г. Во всяком случае, как она резюмировала, 15 июля был совершенно обычным днем для прессы. [7, с. 257-258]. Возможно. Но не для «Огонька», обозначившего столетие со дня смерти Чехова «событием месяца», правда, не без иронии заметившего устами Ю. Богомолова о, казалось бы, странности торжества по случаю чеховского «столь продолжительного небытия» (№ 31, с. 20). Но если Чехов и метил в кого-то из позапрошлого века, то попал (помимо его воли, как отмечает Т. Злотникова) в нас сегодняшних, узнающих себя и свои дилеммы о «недостижимости идеала и непостижимости реальности». Да, как пишет Т. Злотникова, А. Чехов оказывается причастным, и помимо своей воли, ко всем уже после его смерти наступившим временам. В бытовом и в бытийном смыслах. И потому в «Огоньке» «пухлые, как плечо купеческой дочки», масленичные блины соседствуют с «вишневыми садами» – знаками ностальгии по прежнему, пусть разрушающемуся и отжившему. Нет, годы 2004 и 2010 получились в «Огоньке» вполне «чеховскими». Возможно, это, по Д. Крымову, уже Пост-Чехов. И, публикуя что-либо «в связи с Чеховым», журнал имел в

виду любого – почитывающего чеховское или игнорирующего его вовсе как надоевшее, но равно терзаемого страстями и обреченного на одиночество.

Библиографический список

1. Арамилов, И. Светлый талант [Текст] / И. Арамилов // Огонек. – 1950. – № 5. – С. 20.
2. Басманов, А. Художник жизни [Текст] / А. Басманов // Огонек. – 1985. – № 5. – С. 14-16.
3. Дейч, Ал. Чехов и Запад [Текст] / Ал. Дейч // Огонек. – 1929. – № 27. – С. 13.
4. Дмитриева, Н. А. Послание Чехова [Текст] / Н. А. Дмитриева – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – 368 с.
5. Добрынин, М. Чехов (К 40-летию со дня смерти). [Текст] / М. Добрынин // Огонек. – 1944. – № 25-26. – С. 7.
6. Ефимов, Михаил. «Виновным себя не признает» [Текст] / Михаил Ефимов // Огонек. – 2010. – № 2. – С. 32.
7. Злотникова, Т. С. Время «Ч». Культурный опыт А. П. Чехова. А. П. Чехов в культурном опыте. 1887-2007 гг. [Текст] / Т. С. Злотникова. – М. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007. – 259 с.
8. Зозуля, Е. Нам надо знать Чехова [Текст] / Е. Зозуля // Огонек. – 1928. – № 52. – С. 10-11.
9. Как мы относимся к Чехову [Текст] // На литературном посту. – 1929. – № 17. – С. 59-63.
10. Кассиль, Л. Ваня Жуков и его товарищи [Текст] / Л. Кассиль // Огонек. – 1949. – № 29. – С. 26-27.
11. Катаев, В. Чехов [Текст] / В. Катаев // Огонек. – 1954. – № 28. – С. 1.
12. Кольцов, М. Чехов без грима [Текст] / М. Кольцов // Правда. – 1928. – № 163. – 15 июля. – С. 6.
13. Костров, Т. В бездорожки эпохи (К 25-летию со дня смерти А. П. Чехова) [Текст] / Т. Костров // На литературном посту. – 1929. – № 18. – С. 16-33.
14. Луначарский, А. Чехов в наши дни [Текст] / А. Луначарский // Огонек. – 1929. – № 27. – С. 1-2.
15. Соболев, Ю. О Чехове [Текст] / Ю. Соболев // Огонек. – 1924. – № 30. – С. 11.
16. Соболев, Ю. Новый образ Чехова [Текст] / Ю. Соболев // Огонек. – 1928. – № 32. – С. 10-11.
17. Соболев, Ю. Чехов сорок лет назад [Текст] / Ю. Соболев // Огонек. – 1928. – № 41. – С. 7.
18. Эрлих, А. А. П. Чехов [Текст] / А. Эрлих // Огонек. – 1939. – № 16. – С. 1.

Reference List

1. Aramilev, I. Svetlyj talant = Light talent [Tekst] / I. Aramilev // Ogonek. – 1950. – № 5. – S. 20.

2. Basmanov, A. Hudozhnik zhizni = Artist of life [Tekst] / A. Basmanov // Ogonek. – 1985. – № 5. – S. 14-16.

3. Dejch, Al. Chehov i Zapad = Chekhov and the West [Tekst] / Al. Dejch // Ogonek. – 1929. – № 27. – S. 13.

4. Dmitrieva, N. A. Poslanie Chehova = Chekhov's message [Tekst] / N. A. Dmitrieva – M. : Progress-Tradicija, 2007. – 368 s.

5. Dobrynin, M. Chehov (K 40 letiju so dnja smerti). Chekhov (To the 40th anniversary from the date of death) [Tekst] / M. Dobrynin // Ogonek. – 1944. – № 25-26. – S. 7.

6. Efimov, Mihail. «He does not admit guilt.» [Tekst] / Mihail Efimov // Ogonek. – 2010. – № 2. – S. 32.

7. Zlotnikova, T. S. Vremja «Ch». Kul'turnyj opyt A. P. Chehova. A. P. Chehov v kul'turnom opyte. 1887-2007 gg. = Time «Ch.» Cultural experience of A. P. Chekhov. A. P. Chekhov in cultural experience. 1887-2007 [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – M. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2007. – 259 s.

8. Zozulja, E. Nam nado znat' Chehova = We must know Chekhov [Tekst] / E. Zozulja // Ogonek. – 1928. – № 52. – S. 10-11.

9. Kak my odnosimsja k Chehovu = How we treat Chekhov [Tekst] // Na literaturnom postu. – 1929. – № 17. – S. 59-63.

10. Kassil', L. Vanja Zhukov i ego tovarishhi = Vanya Zhukov and his comrades [Tekst] / L. Kassil' // Ogonek. – 1949. – № 29. – S. 26-27.

11. Kataev, V. Chehov = Chekhov [Tekst] / V. Kataev // Ogonek. – 1954. – № 28. – S. 1.

12. Kol'cov, M. Chehov bez grima = Chekhov without make-up [Tekst] / M. Kol'cov // Pravda. – 1928. – № 163. – 15 ijulja. – S. 6.

13. Kostrov, T. V bezdorozh'i jepohi (K 25 letiju so dnja smerti A. P. Chehova) In the off-roads of the epoch (To the 25 anniversary of the death of A. P. Chekhov) [Tekst] / T. Kostrov // Na literaturnom postu. – 1929. – № 18. – S. 16-33.

14. Lunacharskij, A. Chehov v nashi dni = Chekhov nowadays [Tekst] / A. Lunacharskij // Ogonek. – 1929. – № 27. – S. 1-2.

15. Sobolev, Ju. O Chehove = About Chekhov [Tekst] / Ju. Sobolev // Ogonek. – 1924. – № 30. – S. 11.

16. Sobolev, Ju. Novyj obraz Chehova = New image of Chekhov [Tekst] / Ju. Sobolev // Ogonek. – 1928. – № 32. – S. 10-11.

17. Sobolev, Ju. Chehov sorok let nazad = Chekhov forty years ago [Tekst] / Ju. Sobolev // Ogonek. – 1928. – № 41. – S. 7.

18. Jerlih, A. A. P. Chehov = Chekhov [Tekst] / A. Jerlih // Ogonek. – 1939. – № 16. – S. 1.